

РАЗГОВОР О СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Стройная, научно и методически выверенная система изучения современной русской литературы в школе – насущнейшая необходимость сегодняшних дней. Серьезное приобщение старшеклассников к современному словесному искусству поможет им зорче увидеть мир, проникнуться чувством ответственности за все происходящее в нем.

Открываемый раздел посвящен изучению самых новых тенденций литературного развития: постреализма как новой системы эстетического освоения действительности, возникшей на основе взаимопроникновения классических и модернистских принципов; постмодернизма как художественного осознания и отражения духовно-кризисных явлений; традиционного реализма и возникающих на его основе разнообразных мутаций.

Хронологические рамки данного раздела – «постсоветский период» (1986 – 1999) и текущая литература.

Раздел открывается размышлениями Антонины Штраус о современной поэзии.

А. Штраус

ПРОЗА ЖИЗНИ И ПОЭЗИЯ:

Случай Сергея Гандлевского

Современную литературу, не признающую смысловых и ценностных доминант, менее всего можно соотнести с гражданской поэзией середины XIX в. И все же аналогия «С.Гандлевский – Некрасов» – не забавное сопоставление, не случайное сходство. Можно наметить переключки поэзии Л.Лосева с творчеством А.К. Толстого, лирики А.Цветкова с тютчевской лирикой. Л.Лосев сам подчеркивал свою близость к А.К. Толстому. Отталкивание Толстого от «безукоризненной правильности линии», которое проявлялось «не только в нарочито «плохих» рифмах, но и в неловких оборотах речи, прозаизмах и т.д., за которые ему попадало от критики» (5, 21), не в меньшей степени свойственно и Л.Лосеву. «Толстой очень любил этот способ достижения комического эффекта при помощи парадоксального несоответствия темы, обстановки, лица со словами и тоном речи». (5,34) В поэзии Лосева это несоответствие расширяется за счет более обширного культурного и исторического наследия. Например, стихотворение ПВО обладает следующей расшифровкой: «Песнь Вещему Олегу», посвященная также тысячелетию крещения Руси, Артуру Кеслеру, Л.Н. Гумилеву, А.С. Пушкину, коню и змее.

Лосевский цикл «Выписки из русской поэзии» переключается с толстовским «Надписи на стихотворениях А.С. Пушкина».

Пушкин
Собираясь в дальнюю дорожку,
Жадно ел моченую морошку.
Торопился. Времени в обрез.
Лез по книгам. Рухнул. Не долез.
Книги - слишком шаткие ступени.
Что еще? За дверью слезы, пени.
Полно плакать. Приведи детей.
Подведи их под благословенье.
Что еще? Одно стихотворенье.
Пара незаконченных статей.
Не отправленный в печать нумер.
Письмецо, что не успел прочесть.
В общем, сделал правильно, что умер.
Все-таки всего главнее честь.
(4,82)

Козьмапутковский тип юмора проявляется в поэзии Л.Лосева даже в названиях («Раек нескладуха сочиненный для облегчения духа и возврата к живой натуре после окончания книги эзопов язык в русской литературе»).

Тишина, немота, смерть и мучительный процесс рождения слова, именованья окружающего мира - ключевые образы художественных систем Ф.Тютчева и А.Цветкова.

как в застолье стаканы вина
я вещам раздавал имена
в мастерской миростроя московский студент
кругозора наследный царек
я примерил к руке штыковой инструмент
и лопату лопатой нарек

(Цветков)

Так связан, съединен от века
 Союзом кровного родства
 Разумный гений человека
 С творящей силой естества...
 Скажи заветное он слово -
 И миром новым естество
 Всегда откликнуться готово
 На голос родственный его.
 (6,114)

Эхо тютчевского «Silentium'a» звучит во многих стихотворениях А.Цветкова.

пока переживать созданию не больно
 наследным недорослем после дележа
 безмолвствует оно и думает невольно
 взволнованную речь на привязи держа
 (Цветков)

И излюбленный образ своей лирики - камень - Цветков одалживает у Ф.Тютчева, пусть и через посредничество Манделштама.

все передвинуто не помнит прошлых мест
 под током трещина считает обороты
 а тело теплится кромешный камень ест
 и жить дрожит и держит ножик обороны
 (Цветков)

Исследователи отмечают «палимпсестность» современной поэзии. Произведения пишутся как бы поверх старого, классического текста, с оригинальной интерпретацией тематики и проблематики предыдущего произведения, нередко с сохранением структуры первоисточника. Роль первоисточников для палимпсестов Гандлевского играют стихи Пушкина, Лермонтова, Есенина, Блока. Несмотря на «осовремененность» цитат, классика сохраняет свой смысл. Сравните, например, есенинское «Не жалею, не зову, не плачу» и «Расцветали яблони и груши» Гандлевского:

Не жалею, не зову, не плачу,
 Не кричу, не требую суда.
 Потому что так или иначе
 Жизнь сложилась раз и навсегда.
 (1,59)

В сущности, речь идет об одном и том же резюме - «все прошло, как с белых яблонь дым».

Но некрасовская поэзия не является в стихах Гандлевского палимпсестной основой. Нет ни прямых, ни косвенных некрасовских цитат, но налицо – схожесть интонаций и форм. Очевидно, бессознательная, иначе она была бы оговорена Гандлевским в статьях или эссе. Гандлевский пытается занять в современной поэзии нишу, аналогичную той, которую занимал в начале сороковых годов XIX в. Некрасов. М.Эпштейн относит творчество С. Гандлевского (а также

А.Сопровского, Б.Кенжеева) к «наиболее традиционной из всех новых поэзии», определяя ее как «лирический архив, или поэзия исчезающего «я», где «в качестве центра сохранено некое лирическое «я», но уже данное в модусе ускользающей предметности, элегической тоски по личности в мире твердеющих и ожесточающихся структур. Ностальгический (по чувству) и археологический (по предметности) реализм». (10, 366) За «поэзию реализма» упрекали современники и Некрасова. Основной некрасовский тон - тревога за судьбу простого человека - в полной мере свойственен поэзии Гандлевского. Интонация сочувствия слабым мира сего, более того, ощущение их жизни как своей, а своего голоса - как принадлежащего им, характерно для обоих поэтов.

В это время вдовец Айзенштадт, сорока семи лет, Колобродит по кухне, и негде достать пипольфену. Есть ли смысл веселиться, приятель, я думаю, нет, Даже если он в траурных черных трусах до колена. В этом месте, веселье которого есть питье, За порожнюю тарой выдавшие виды ребята За Серегу Есенина или Андрюху Шенье По традиции пропили очередную зарплату.
 (1, 5)

Эта общая для Некрасова и Гандлевского интонация находит свое воплощение в разговорной стилистике повествования. Стих тяготеет к бытовой зарисовке и уличной сценке. «Самый существенный упрек, который делали Некрасову и который он сам принимал, был упрек в прозаичности. Не случайно отзыв Белинского о «Мечтах и звуках» начинался с указания на то, что автору лучше писать в прозе; то же говорили о поэзии Некрасова и Тургенев и Толстой. Сам Некрасов тоже сравнивал свои стихи с прозой: «Все ж они не хуже плоской прозы». (9, 18)

Некрасовская прозаизация стиха, неоднократно отмечаемая исследователями, характерна для поэзии Гандлевского. Одно из его стихотворений («Картина мира, милая уму...») вообще графически не выделено и написано в строку.

В восприятии обоих поэтов простой человек - суть и основа России. Такой неромантизированный герой органично связан с бытовой суетой, разнообразием мелких жизненных деталей. Быт, занимающий большое место в поэзии Некрасова и Гандлевского, служит своеобразной призмой рассмотрения человеческой души:

Не утешить ее и обновкой:
 То натерли ей ногу коты,
 То, слышь, ей в сарафане неловко.
 При чужих и туда, и сюда,
 А украдкой ревет как шальная...
 (2,57)

Жизнь валится из рук безделкою, безделицею в щель, внезапно перейдя в разряд вещей еще душему-

тительных, уже музейных, как то: баночка драже с истекшим сроком годности, альбом колониальных марок в голубом налете пыли, шелковый шнурок...

(1,56)

Общая ориентация Некрасова и Гандлевского на разговорность, стремление писать «прямолинейною прозой в стихах» проявляется и на ритмическом уровне. В лирике обоих преобладают трехсложные размеры, в том числе анапест, который упрочен в русской литературе именно Некрасовым.

Самолеты летят в Симферополь,
И в Батуми, и в Адлер, и весь
Месяц май пахнет горечью тополь,
Вызываю сердечную резь.

(1,93)

Отличительной чертой некрасовской поэтики является публицистичность, которая эксплицируется даже в заголовках, например, «Новости (газетный фельетон)». Как отмечает Тынянов, «излюбленной стиховой формой Некрасова была форма говорного стиха (термин Эйхенбаума) - куплета, стихотворного фельетона. Даже в стихе «Кому на Руси жить хорошо» чувствуются эффекты этого говорного стиха; так, во вступлении дан эффект нарастающей скороговорки, несомненно комического (водевильно-куплетного) происхождения:

Семь временнообязанных
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорова,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина
Горелова, Неелова -
Неурожайка тож».

(9,23)

Подобная «куплетность», скороговорка на основе привычных читательскому уху форм встречается и в поэзии Гандлевского.

Здесь когда-то ты жила, старшекласницей была,
А сравнительно недавно своевольно умерла.
...Кто б на ножки поднялся, в дно головкой уперся,
Поднатужился, чтоб разом смерть была, да вышла вся!
Воскресать так воскресать! Встали в рост отец и мать.
Друг Сопровский оживает, подбивает выпивать.
Мы «андроповки» берем, что-то первая колом -
Комом в горле, слущким слогом да частушечным
стихом.

(1,422)

Использование газетных, фельетонных приемов, включение прозаизмов, подчеркнуто непеэтических слов и оборотов в лирическое стихотворение характерно для Некрасова и Гандлевского.

И все мы согласны, что тип измельчал.
Красивой и мощной славянки».

(2, т.2, 85)

Вот наша улица, допустим,
Орджоникидзержинского...
(1,64)

Хабибулин в х/б б/у...

(1,415)

Почти все названия стихотворений, которые Гандлевский вообще дает очень редко, связаны с жанровыми определениями («Элегия», «Баллада», «На смерть И.Б.»). Сравните с некрасовскими «На смерть Шевченко», «Современная ода», а «Элегия» - самый частотный заголовок в его поэзии. Важно также общее стремление к синтезу «чувствительного романа» и фельетона, прозаизации песенных форм.

В творчестве обоих поэтов нередки зарисовки, перерастающие в размышления о сущности жизни и искусства. Например, стихотворение Некрасова «В больнице» и стихотворение «В начале декабря, когда природе снится...» Гандлевского. Оба эти произведения, начинающиеся с описания бытового существования, разворачиваются в определение двойственной природы искусства.

Не было б, точно, согласен и я,
Жалких писак и педантов -
Только бы не было также, друзья,
Скоттов, Шекспиров и Дантов.

(2,192)

Так что же: звукоряд, который еле слышу,
Традиционный бред поэтов и калек
Или аттракцион - бегут ручные мыши
В игрушечный вагон и валит серый снег?

(1,77)

Б.О. Корман выделяет особые стилистические и композиционные приемы некрасовской лирики, и почти все их можно обнаружить в поэзии Гандлевского.

1. Эпический сюжет в лирическом стихотворении. По Б.О. Корману, «в лирические стихотворения Некрасова входит история человеческой жизни, не эпизод, а биография, судьба («Тройка», «Свадьба», «Школьник»)». Такая сюжетность свойственна и поэзии Гандлевского. Ярким примером могут служить стихотворения «Я был зверком на тонкой пуповине...», «Это праздник. Розы в ванной...», «Чиликанье галок в осеннем дворе...»

2. Б.О. Корман выделяет такую черту некрасовской поэтики, как «драматизация лирического монолога, превращение его в сцену», «принцип монтажа». Принцип монтажа является одним из основополагающих в современной литературе. И творчество Гандлевского не исключение. Также для него важна кинематографичность, многие его стихотворения напоминают фрагменты сценария. Этот принцип открыто декларируется автором:

Мельтешит предо мной одиссея моя
Кинолентою шосткинского комбината...

(1,61)

3. Некрасовым создается «новый тип лири-

ческого стихотворения, в него входят как структурные элементы <... > разнородные мысли, описания, чувства, картины. Они входят в одно лирическое стихотворение как сложный единый поток сознания современного человека». (8,139) Иллюстрацией этого тезиса в лирике Гандлевского может служить уже упоминавшееся нами стихотворение «Картина мира, милая уму...» Мысли и чувства («Давно ль мы умудрились променять простосердечье, женскую любовь на эти пять похабных рифм: свекровь, кровь, бровь, морковь и вновь?») сменяются описаниями и зарисовками («невзначай он адрес свой забудет или чай на рукопись прольет, то вообще купает галстук бархатный в борще»). И все это составляет поток сознания современного человека, включающий в себя все многообразие его ассоциаций. Поражает единство тем и героев в поэзии Некрасова и Гандлевского. Естественно, учитывая поправку на вносимые временем коррективы. Некрасовские ямщики становятся шоферами, крестьянские дети вступают в пионеры, но они вечны, так же, как и странники, ищущие божью правду, бродяги и сторожа, пьяницы и просто уставшие от жизни люди. Вообще говоря, внимание к малым сим, сострадание к ним характерны для обоих поэтов. «Существует таинственная связь между поэзией и жалостью», - писал Гандлевский в одном из своих интервью.

Показательно, что общими чертами обладает и образ музы, ключевой для понимания специфики творчества обоих поэтов. И для Некрасова, и для Гандлевского муза не прекрасная незнакомка. С одной стороны, в ней есть нечто детское, веселое, отчаянное, а с другой, муза - «присмирившая», обывленная, стареющая вместе с поэтом («Эта старая блядь тут как тут»).

Что ж ты плачешь, веселая муза моя,
Длинноногая девочка в грубой рубахе...
(1,53)

Так и есть - заявляется муза,
Эта старая блядь тут как тут...
(1,111)

Нет, музы ласково поющей и прекрасной
Не помню над собой я песни сладкогласной!
(3, 72)

У Гандлевского есть своя «Железная дорога» («Отечество, предание, геройство...»), свой «Школьник» («Я был зверком на тонкой пуповине...»), свои «Вино» и «Пьяница» («Рабочий, медик ли, прораб ли...»). И. кажется, что собственное «Кому на Руси жить хорошо» он не написал только потому, что за него это сделал уже его давний соратник по группе «Адманах» Тимур Кибиров (вспомним «Путешествие из Шильково в Коньково» и некоторые другие поздние поэмы с их гипертрофированным социальным пафосом).

Показательны в общем контексте наших размышлений почти дословные переключки мыслей:

Непрочно все, что нами здесь любимо,
Что день - сдаем могиле мертвеца.
...Усни... Умри!..
(3,36)

Жизнь вроде бы вполне разорена.
Вот так, наверное, и умирают.
Умри.
(1,96)

Некрасов неоднократно отмечал, что тяжесть человеческого страдания в его монотонной неизбытности. Не об этом ли и Гандлевский?

Я жил в одной стране. Там тишина
Равно проста в овраге, церкви, поле.
И мне явилась истина одна:
Трудна не боль - однообразье боли.
(1, 48)

Конечно, поэзия Гандлевского не может быть поставлена в один ряд с некрасовской лирикой. Разница исторических ситуаций, художественных задач и «масштабов» творчества обуславливает различия эмоционального тона и некоторых приемов поэтики (палимпсестность поэзии Гандлевского, использование им постмодернистских приемов поэтики: отсутствие знаков препинания, коллажирование, отстраненно-дистанцированная работа с цитатами).

И все-таки поэзия второй половины XIX в. и современная литературная ситуация - время перехода, отсутствия господствующего стиля: Л.Лосев, А.Цветков, С.Гандлевский после смерти Бродского - примерно то же, что А.К.Толстой, Ф.Тютчев, Н.Некрасов после смерти Пушкина.

Сегодняшняя поэзия замыкает круг, возвращается к своим истокам. Означает ли это конец литературы или просто новый виток литературного процесса?

Литература:

1. Гандлевский С.М. Порядок слов: стихи, повесть, пьеса, эссе. Екатеринбург: У-Фактория, 2000. 432 с.
2. Некрасов Н.А. Собр. соч.: в 8 т. Т.т. 1, 2. М.: Художественная литература, 1965. 422 с.
3. Некрасов Н.А. Стихотворения. Поэмы. -М., Художественная литература, 1971. 702 с.
4. Лосев Л.В. Собрание: Стихи. Проза. - Екатеринбург: У-Фактория, 2000. 624 с.
5. Толстой А.К. Собр.соч. в 4 т. Т.1.М.: Правда, 1980.
6. Тютчев Ф.И. Стихотворения/ Сост., вступ. ст. и примеч. В.В. Кожина. М.: Сов. Россия, 1986. 288 с.
7. Цветков А. LitCafe Алексей Цветков. СОСТОЯНИЕ СНА htm.
8. Корман Б.О. Лирика Некрасова. Ижевск: Удмуртия, 1978. 298с.
9. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. - М.: Наука, 1977. 573 с.
10. Эпштейн М. Каталог новых поэзий // Современная русская поэзия после 1996. Двухязычная антология. Берлин: Обербаум верлаг, 1990. с. 359-367.